

Михаил Аронов

★★★★★

Александр Галич. Полная биография

Новое литературное обозрение

Громадная и по существу первая полная биография главного барда-диссидента выходит во второй раз (предыдущее издание

было опубликовано в Ижевске тиражом в пятьдесят экземпляров. Жизнь Галича прослежена здесь с детства до загадочной гибели в 1977-м (подробно рассматривается версия убийства поэта). Исследователя интересует механизм превращения Галича из успешного, официально признанного драматурга и сценариста в автора знаменитых песен, где неподцензурной правде всегда находится соответствие в трагизме или иронии («Ошибка», «Красный треугольник», «Веселый разговор»). Стоит прочитать книгу, чтобы понять, через какие лабиринты цензуры приходилось идти даже его разрешенным текстам.

л. о.

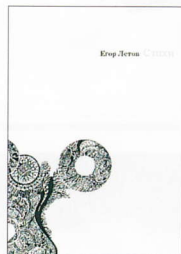
Куда уходит Летов

Сборник поэзии лидера «Гражданской обороны», переизданный в последней авторской редакции

Егор Летов

★★★★★

Стихи / Выггород

В энциклопедии для детей издательства «Аванта+» о Егоре Летове сказано: «В текстах преобладает агрессивный протест против всего без исключения... Стихи Летова не имеет смысла читать. Они начинают «работать» только в комплексе со звуковым фоном, с интонацией исполнителя». Эта редкая в постсоветских энциклопедиях предвзятость показывает только, каким радикальным явлением был Летов. Стихи его, конечно, «имеет смысл читать», тем более что их значительная часть никогда не была положена на музыку. Сегодня многие поэты признают, что Летов оказал на них влияние (в опросе поэтического журнала «Воздух» его назвали не один и не два человека). Но Летов и сам продолжал несколько традиций разных порядков. Семантически и стилистически он связан с европейским экзистенциализмом

и русским обэриутством: «Будет горно / Будет хорно / Будет хрюча / <...> Будет СИБИРСКАЯ ПТИЦЕФАБРИКА» или прозаическая миниатюра «Игра в лицо (руководство)», где ироники, символизирующие части лица, должны принять мученическую гибель. Формально он связан с традицией русского верлибра: много его текстов написаны свободным стихом. Поэзия Летова во многом держится на визионерстве («По утрам воздух полон / Серебряной мистикой / Назойливым копошением / Бесформенных очертаний... / ...психоделический камешек / В мой огород») и — действительно — на отрицании: разрушение навязанных этики и эстетики происходит через отождествление с отвратительным (постоянные мотивы насилия и разложения, экспрессия ругательства). Условно-созидательная программа была предложена им в редких эй-

форических текстах 90-х («Родина») и, позднее, уже в 2000-х. Но и такие вещи, как «Долгая счастливая жизнь» и «Со скоростью мира», полны осторожности и соседствуют с яростными гимнами вроде «Убивать». Для поддержки горения Летову все время нужно четко представлять, с чем он имеет дело, поэтому в его стихах — такое обилие эпитетов: «Безобразные любители свинцовых леденцов», «Нашатырно-настырный густой аромат» и тому подобное. Другой излюбленный прием — анафора, повторение одних и тех же слов в начале строк, что делает поэзию Летова похожей на тяжелое шаманство. У неподготовленного читателя все это, конечно, может вызвать отторжение, но с тем, что Летов уже давно — бесспорная и важная часть русской культуры, кажется, не станет спорить никто.

ЛЕВ БОРИН

Shaun Ryder

★★★★

Twisting My Melon: The Autobiography

Bantam Press

Шон Райдер — из тех, кто прошел этот путь от начала и до конца: детство в относительной бедности, кражи и мелкое мошенничество, наркотики и алкоголь, своя группа, несколько лет в андеграунде, поездка в Штаты, женщины, торговля экстази, успех, распад, рехаб, новая группа, успех, распад, рехаб, долги, вдруг понимаешь, что тебе под сорок, новая женщина, рехаб, гармония, мемуары. У Райдера неширокий кругозор, но удивительно хорошая память. А также достаточно добродушия и житейской мудрости, чтобы вспомнить одну из самых одиозных карьер в истории английской рок-музыки с иронией и благородным спокойствием. Писатель из Шона так себе, но рассказчик он отменный.

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВ